

«ЦИФРОВОЕ ПРАВО» VS «ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВА»

© 2023 г. О. А. Глобенко^{1, *}, Н. А. Шеяфетдинова^{1, 2, **}, А. А. Соловьев^{2, ***}

¹МИРЭА – Российский технологический университет
²Московский педагогический государственный университет

*E-mail: lexy347@mail.ru
**E-mail: SheiafetdinovaUP@mail.ru
***E-mail: solov.arbitr@rambler.ru

Поступила в редакцию 25.10.2022 г.

Аннотация. При неизбежности дальнейшего расширения, совершенствования и систематизации механизма правовой регламентации отношений, складывающихся в цифровой среде, значимой задачей остается точность легальной и доктринальной терминологии, соответствие ее уже сложившейся системе понятийно-категориального аппарата, предметной области и тенденциям правового регулирования. Коллизионность доктринальных подходов в вопросе терминологического обозначения такого явления, как интенсифицирующаяся регламентация цифровых феноменов, несовместима с догматичностью права, требует большей определенности, но для этого необходимо разрешить, по мнению авторов статьи, основной вопрос: какой из терминов наиболее точно отвечает природе складывающейся системы норм – «цифровое право» или «цифровизация права»?

Ключевые слова: цифровое право, цифровизация права, догматичность права, понятийно-категориальный аппарат права, отрасль права, критерии разграничения отраслей права, отрасль законодательства, объект отрасли, предмет отрасли, новеллизация права.

Цитирование: Глобенко О.А., Шеяфетдинова Н.А., Соловьев А.А. «Цифровое право» vs «цифровизация права» // Государство и право. 2023. № 4. С. 66–71.

DOI: 10.31857/S102694520024844-9

“DIGITAL LAW” VS “DIGITALIZATION OF LAW”

© 2023 О. А. Globenko^{1, *}, N. A. Sheyafetdinova^{1, 2, **}, A. A. Solovyev^{2, ***}

¹MIREA – Russian Technological University
²Moscow State Pedagogical University

*E-mail: lexy347@mail.ru
**E-mail: SheiafetdinovaUP@mail.ru
***E-mail: solov.arbitr@rambler.ru

Received 25.10.2022

Abstract. With the inevitability of further expansion, improvement and systematization of the mechanism of legal regulation of relations developing in the digital environment, the accuracy of legal and doctrinal terminology, its compliance with the already established system of conceptual and categorical apparatus, subject area and trends of legal regulation remains a significant task. The conflict of doctrinal approaches in the issue of terminological designation of such a phenomenon as the intensifying regulation of digital phenomena is incompatible with the dogmatism of law, requires more certainty, but for this it is necessary to resolve, according to the authors of the article, the main question: which of the terms most accurately corresponds to the nature of the emerging system of norms – “digital law” or “digitalization of law”?

Key words: digital law, digitalization of law, dogmatism of law, conceptual and categorical apparatus of law, branch of law, criteria for distinguishing branches of law, branch of legislation, object of industry, subject of industry, novelization of law.

For citation: Globenko, O.A., Sheyafetdinova, N.A., Solovyev, A.A. (2023). “Digital law” vs “digitalization of law” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 66–71.

Учеными достаточно точно отмечается специфика «архитектуры виртуального мира», при попытке регламентации которого не срабатывают «привычная теория права и модель правового регулирования», посему популярностью пользуются идеи о саморегулировании этой сферы отношений посредством сложившихся обычных и технических норм, однако проблема защиты интересов детей, противостояния кибератакам, защиты от криминальных проявлений в Интернете, необходимость «национально-правового опосредования цифровой среды» привели к необходимости создания системы норм, регулирующих отношения, «протекающие с использованием Интернета». Исследователи осмыслительно называют эту систему скорее отраслью законодательства, нежели отраслью права¹.

Как справедливо отмечает Л.И. Глухарева, догматичность права при всей необходимости ее новеллизации должна сохраниться как некий конструктивный признак права, обеспечивающий его стройность и определенность. Приветствуя многие тенденции обновления правовой догмы, автор с большой долей осторожности относится к предложению заменить понятие «отрасль права» понятием «отрасль законодательства» из-за его абстрактности².

Понятие отрасли как конструктивного элемента правовой системы сложилось в континентальном праве не случайно: один нормативный акт может включать нормы, относящиеся к регламентации разных по природе правовых отношений (гражданское, банковское, предпринимательское право — вот далеко не полный перечень отраслей, подотраслей, одним из источников которых является Гражданский кодекс РФ). Более того, замечает, анализируя содержание предмета отрасли права, А.Ф. Малый, «один и тот же нормативный правовой акт часто содержит нормы, которые могут быть отнесены к различным отраслям законодательства»³.

Феномену отрасли права посвящены многие исследования. На наш взгляд, наиболее интересным с позиций практической значимости дискурса за последние несколько десятилетий следует назвать анализ, произведенный Д.Е. Петровым в его кандидатской диссертации, где автор отмечает, что «к числу признаков отрасли права относятся характерные черты этого объекта как элемента системы (общие системные признаки)», поэтому,

как следует из логики его рассуждений, «у двух непосредственно регулятивных юридических норм (норм-правил поведения) различной отраслевой принадлежности не должно быть совпадения по предмету правового регулирования»⁴.

Г.П. Курдюк акцентирует внимание на специфике предмета: «Отрасль права... — типовой элемент системы права, выражающий его сущность на соответствующем этапе развития, обладающий общеправовыми, субстанциональными и индивидуальными признаками и предназначенный для методически обособленного урегулирования определенной сферы (блока) общественных отношений»⁵.

А.А. Шаповалов также в диссертационном исследовании, определяя отрасль как правовое понятие в условиях интенсивного правотворчества, отводя ведущую роль в российской правовой системе институту права, демонстрирует, тем не менее, все ту же приверженность критерию предметной обособленности («сфера или род общественных отношений»), отмечает и такие признаки, как «единый отраслевой понятийный аппарат», «механизм регулирования при наличии собственного набора юридических способов и средств»⁶.

А.А. Головина, определяя критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права, предлагает наряду с новеллой (считать одним из критериев дивергенцию системных связей, интенсивность системных связей между нормами) метод и предмет регулируемых отношений⁷.

В таком контексте принципиально важным становится вопрос: регламентируют ли нормы, обращенные к цифровым феноменам, принципиально новые отношения, или предмет этих отношений следует классифицировать сообразно уже сложившейся системе при безусловном понимании того, что цифровизация привнесла в структуру и содержание этих отношений существенные новеллы?

Поэтому системные исследования последних лет оперируют понятиями «гражданско-правовая модель регулирования цифрового гражданского

¹ См.: Васильев А.А., Ибрагимов Ж.И., Насыров Р.В., Васев И.Н. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // Юрлингвистика. 2019. № 11. С. 17.

² См.: Глухарева Л.И. Догма права и догматичность юридического мышления // Вестник РГГУ. Сер. «Экономика. Управление. Право». 2013. № 19 (120). С. 23.

³ Малый А.Ф. Предмет отрасли права: территория научного поиска // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 10 (95). С. 116.

⁴ Петров Д.Е. Отрасль права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 8.

⁵ Курдюк Г.П. Отрасль права как элемент системы права: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 9, 10.

⁶ Шаповалов А.А. Отрасль современного российского права: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2011. С. 8, 9.

⁷ См.: Головина А.А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 11.

оборота и цифровых прав»⁸, «правовой режим цифровых данных»⁹, «правовое регулирование сети Интернет»¹⁰ и др., но не категорией «цифровое право».

Действительно, если мы обратимся к проблеме создания и совершенствования правового режима использования цифровых феноменов, анализ их правовой природы позволит нам утвердиться в аргументированности такого подхода.

Право как уникальный постоянно прогрессирующий феномен подвержено постоянному воздействию разнопорядковых факторов: от доктринально-идеологических до социально-экономических. Не последнее место в ряду этих детерминант занимают факторы научно-технического характера. Уровень динамики эволюции правовой регламентации заставил ученых и практиков задуматься о признании и в континентальном праве судебного правотворчества как механизма оперативно восполняющего пробелы и устраняющего коллизии в праве, вплоть до признания права высших судебных инстанций нормотворчеством *“contra legem”*¹¹. Конечно, в данном случае речь идет о субсидиарности источника, но сама постановка вопроса свидетельствует о динамичном расширении круга регламентируемых вопросов. В сложившейся ситуации методологически значимым шагом будет определение отраслевой принадлежности правоотношений, возникающих в цифровой среде, в том числе и при моделировании механизмов ее защиты от противоправных деяний. На первый взгляд высокая степень корреляции с ИТ, категорией «цифровая экономика», «кибербезопасность» определяет уникальность предмета регламентации и интенсивность системных связей между нормами. Назвав одной из приоритетных задач «обеспечение внедрения цифровых технологий в экономику и социальные сферы», нормы Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» фактически задали новый отраслевой вектор развития права.

Однако при более детальном анализе становится очевидным, что принципиально новый предмет

регламентируемые отношения не формируют, более того, их связь с уже сложившимися отраслевыми массивами, дивергенционные процессы как признак выделения самостоятельной отрасли мы не наблюдаем, к тому же искусственное изъятие их из системы сложившихся внутриотраслевых связей приведет к обеднению отрасли, искажению правовой природы регулируемых явлений.

Обратимся, например, к понятию «цифровое доказательство». Необходимость регламентации этого феномена вызвана явлениями двух порядков: изменилась природа носителей информации, в том числе составляющей предмет процессуального доказывания, увеличилось число киберинцидентов, посягающих на безопасность личности, общества, государства. Целесообразность исследования этого явления именно в контексте предметной принадлежности к процессуальным отраслям позволяет видеть проблему правовой регламентации в комплексе. Так, применительно к уголовно-процессуальному праву важно учитывать заданный Уголовно-процессуальным кодексом РФ высокий стандарт допустимости, во многом осложняющий процедуру доказывания, перенесение проблемы определения критерия допустимости доказательств, существенности допущенного нарушения в сферу доктринальную, необходимость анализа правовых позиций Верховного Суда РФ и целого ряда доктрин, практика применения которых вполне устоялась («плоды отравленного дерева», «асимметрия допустимости доказывания» и др.), соотношения свойств допустимости и достоверности. Закрытость перечня средств доказывания в норме ч. 2 ст. 74 УПК РФ заставляет обратить внимание на проблему правовой квалификации цифрового доказательства, определения его вида, соотношения формы (цифровой носитель) и содержания. В уголовно-процессуальной доктрине и правоприменительной практике сложился подход, в соответствии с которым «электронные документы следует рассматривать в качестве письменных доказательств»¹², а носители, по мнению проф. П.С. Пастухова, определяются как вещественные доказательства, также к вещественным доказательствам относится и «сама электронная информация, ставшая результатом преступного действия, сгенерированная в информационной среде как след преступления»¹³.

Ряд авторов, в том числе и П.С. Пастухов, считают достаточным уточнить определение доказательства в Уголовно-процессуальном кодексе РФ,

⁸ Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.

⁹ Мефодьева К.А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

¹⁰ Быстров А.К. Интернет-сайт и доменное имя как объекты гражданских прав в системе отношений по использованию сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

¹¹ Оносов Ю.В. Правоприменение *“Contra legem”* средство обеспечения справедливости или угроза законности? // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 376–381; Каранетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М., 2011; Кучин М.В. Судебное нормотворчество: концептуальные основы. М., 2019.

¹² Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде: учеб.-практ. пособие. М., 2000.

¹³ Пастухов П.С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств: сб. науч. ст. Седьмого пермского конгресса ученых-юристов / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М., 2017. С. 561.

включив в него указание на то, что сведения могут быть и в электронной форме¹⁴. Другие авторы, находя такой подход недостаточным, предлагают не «втискивая в рамки традиционных видов доказательств качественно новую доказательственную информацию», «дальнейшее осмысление как содержания данного вида доказательств, так и особенностей правил их собирания, проверки и оценки»¹⁵.

Самостоятельную проблему, требующую скорейшего разрешения, представляет неопределенность терминологического подхода, параллельное использование двух терминов «электронное» и «цифровое» доказательство вплоть до отождествления этих терминов¹⁶, а если эти категории разграничиваются, исследователи не могут прийти к единству взглядов на критерий разграничения¹⁷.

Все обозначенные коллизии невозможно разрешить без системного анализа всех определившихся тенденций в уголовно-процессуальной доктрине и практике, корреляции понятий, сформированных предложений по новеллизации доказательственного права. Однако следует учесть, что проблема совершенствования правовой регламентации использования цифрового или электронного доказательства на данном этапе эволюции уголовно-процессуального права требует междисциплинарных исследований с участием специалистов в сфере ИТ. Привлечение последних также должно быть подчинено идее вживить принципиально новый механизм правовой регламентации использования цифровых и электронных доказательств с учетом всего спектра уже существующих нюансов квалификации правоотношений, сложившихся в уголовно-процессуальном доказывании.

Не менее яркий пример — попытка определения правовой природы автономного интеллектуального агента. Преимущественно дискурс касается рассуждений о допустимости признания частичного (усеченного) статуса субъекта за высокоинтеллектуальной программой, потенциально способной принимать автономные решения.

Более дискуссионными оказались вопросы допустимости гражданско-правовой ответственности. Предлагаются идеи отождествления правового режима эксплуатации таких программ по

аналогии с источником повышенной опасности, объектом авторского права, однако А.В. Незнамов, М.В. Карлюк, Е.П. Побрызгаева предлагают рассматривать этот феномен как субъект с усеченной волей, поскольку программа способна к «автономному действию помимо воли создателя»¹⁸.

С высокой степенью вероятности можно заявить, что обсуждение вопроса о правовом статусе автономного интеллектуального агента, сопряженные с ним вопросы о допустимости привлечения его ответственности за причиненный материальный вред невозможно без системного ретроспективного исследования этой дилеммы в контексте системы и структуры отрасли гражданского права.

Рассуждая о правовой природе смарт-контракта, мы также не можем себе позволить отойти от обсуждений правовой природы этого феномена, рассуждения о которой возвращают нас в сферу гражданско-правовых отношений.

Проанализировав доктринальные подходы к пониманию смарт-контракта, О.С. Гринь, Е.С. Гринь, А.В. Соловьев выделяют целый ряд доктринальных подходов, каждый из которых апеллирует к теории гражданского права: смарт-контракт — программа (смарт-контракт), которая функционирует на платформе блокчейн, и традиционный договор, смарт-контракт как бы наслаивается на традиционный гражданско-правовой договор; договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе blockchain¹⁹.

Таким образом, очевидна необходимость исследования и регламентации цифровых феноменов только в контексте системного предметного изучения в рамках соответствующей отраслевой принадлежности донорского понятия, например: доказательство в рамках уголовно-процессуального доказывания — цифровое доказательство в рамках уголовно-процессуального доказывания, контракт — смарт-контракт, понятие объекта авторского права — сложный цифровой объект и др.

* * *

Итак, аргументированным, оправданным с позиций системности отрасли предполагается использование термина «цифровизация права» как отражающего процесс экспансии цифровых феноменов в правовую среду.

¹⁸ Незнамов А., Побрызгаева Е., Карлюк М. Теоретические начала ответственности автономных агентов // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право: сб. науч. тр. / под ред. Т.А. Поляковой, В.Б. Намова, А.В. Минбалеева. М., 2018. С. 256–263.

¹⁹ См.: Гринь О.С., Гринь Е.С., Соловьев А.В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex russica. 2019. № 8 (153). С. 51–62.

¹⁴ См.: Пастухов П.С. Указ. соч.

¹⁵ Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex russica. 2019. № 7 (152). С. 74–84.

¹⁶ См.: Чернышов В.Н., Лоскутова Е.С. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 5. С. 200.

¹⁷ См.: Калигин С.В. Доказательства электронные и цифровые // Концепт. 2014. Т. 20. С. 3586–3590; Олиндер Н.В. К вопросу о доказательствах, содержащих цифровую информацию // Юрид. вестник Самарского ун-та. 2017. Т. 3. № 3. С. 107–110.

Тем не менее, наблюдая появление специальных учебных курсов и учебников, учебных пособий, именуемых «Цифровое право»²⁰, нельзя не констатировать полезность такого явления для акцентуализации внимания обучающихся на специфике правового режима отдельных цифровых феноменов. Важно рассматривать это явление именно как учебную дисциплину, процесс преподавания которой целесообразно перенести на последние учебные семестры, чтобы дисциплина действительно стала инструментом обобщения знаний.

Подобная ситуация уже знакома российской системе высшего юридического образования. Так, в XIX в., отрицая самостоятельный характер отрасли «торговое право», Г.Ф. Шершеневич, однако, считал целесообразным преподавание указанной дисциплины в университете и даже написал великолепный учебник торгового права²¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блажеев В.В., Егорова М.А., Белых В.С. Цифровое право. М., 2022.
2. Быстров А.К. Интернет-сайт и доменное имя как объекты гражданских прав в системе отношений по использованию сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
3. Васильев А.А., Ибрагимов Ж.И., Насыров Р.В., Васев И.Н. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // Юрлингвистика. 2019. № 11. С. 17.
4. Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде: учеб.-практ. пособие. М., 2000.
5. Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex russica. 2019. № 7 (152). С. 74–84.
6. Глухарева Л.И. Догма права и догматичность юридического мышления // Вестник РГГУ. Сер. «Экономика. Управление. Право». 2013. № 19 (120). С. 23.
7. Головина А.А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 11.
8. Гринь О.С., Гринь Е.С., Соловьев А.В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex russica. 2019. № 8 (153). С. 51–62.
9. Калитин С.В. Доказательства электронные и цифровые // Концепт. 2014. Т. 20. С. 3586–3590.
10. Каранетов А.Г. Борьба за признание судебного право творчества в европейском и американском праве. М., 2011.
11. Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.
12. Курдюк Г.П. Отрасль права как элемент системы права: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 9, 10.
13. Кучин М.В. Судебное нормотворчество: концептуальные основы. М., 2019.
14. Малый А.Ф. Предмет отрасли права: территория научного поиска // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 10 (95). С. 116.
15. Мефодьева К.А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
16. Незнамов А., Побрызгаева Е., Карлюк М. Теоретические начала ответственности автономных агентов // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право: сб. науч. тр. / под ред. Т.А. Поляковой, В.Б. Наумова, А.В. Минбалева. М., 2018. С. 256–263.
17. Олиндер Н.В. К вопросу о доказательствах, содержащих цифровую информацию // Юрид. вестник Самарского ун-та. 2017. Т. 3. № 3. С. 107–110.
18. Оносов Ю.В. Правоприменение “Contra legem” средство обеспечения справедливости или угроза законности? // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 376–381.
19. Пастухов П.С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств: сб. науч. ст. Седьмого пермского конгресса ученых-юристов / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М., 2017. С. 561.
20. Петров Д.Е. Отрасль права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 8.
21. Чернышов В.Н., Лоскутова Е.С. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 5. С. 200.
22. Шаповалов А.А. Отрасль современного российского права: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2011. С. 8, 9.
23. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права / вступ. ст. Е.А. Суханова. М., 1994.

REFERENCES

1. Blazheev V.V., Egorova M.A., Belykh V.S. Digital Law. M., 2022 (in Russ.).
2. Bystrov A.K. Internet site and domain name as objects of civil rights in the system of relations on the use of the Internet: dis. ... PhD in Law. M., 2016 (in Russ.).
3. Vasiliev A.A., Ibragimov Zh. I., Nasyrov R.V., Vasev I.N. The term “digital law” in doctrine and legal texts // Legal Linguistics. 2019. No. 11. P. 17 (in Russ.).
4. Vershinin A.P. Electronic document: legal form and evidence in court: textbook-practice manual. M., 2000 (in Russ.).

²⁰ Блажеев В.В., Егорова М.А., Белых В.С. Цифровое право. М., 2022.

²¹ См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права / вступ. ст. Е.А. Суханова. М., 1994.

5. *Voronin M.I.* Electronic evidence in the CPC: to be or not to be? // *Lex russica*. 2019. No. 7 (152). P. 74–84 (in Russ.).
6. *Glukhareva L.I.* Dogma of law and dogmatism of legal thinking // *Herald of the Russian State University. Ser. "Economics. Management. Law"*. 2013. No. 19 (120). P. 23 (in Russ.).
7. *Golovina A.A.* Criteria for the formation of independent branches in the system of Russian law: abstract ... PhD in Law. M., 2012. P. 11 (in Russ.).
8. *Grin O.S., Grin E.S., Solovyev A.V.* The legal construction of a smart contract: the legal nature and scope of application // *Lex russica*. 2019. No. 8 (153). P. 51–62 (in Russ.).
9. *Kalitin S.V.* Proofs electronic and digital // *Concept*. 2014. Vol. 20. P. 3586–3590 (in Russ.).
10. *Karapetov A.G.* Struggle for recognition of judicial law-making in European and American law. M., 2011 (in Russ.).
11. *Kartskhiya A.A.* Civil law model of regulation of digital technologies: dis. ... Doctor of Law. M., 2019 (in Russ.).
12. *Kurdyuk G.P.* Branch of law as an element of the system of law: theoretical and legal research: abstract ... PhD in Law. Krasnodar, 2004. P. 9, 10 (in Russ.).
13. *Kuchin M.V.* Judicial rulemaking: conceptual foundations. M., 2019 (in Russ.).
14. *Maly A.F.* The subject of the branch of law: the territory of scientific search // *Actual problems of Russian law*. 2018. No. 10 (95). P. 116 (in Russ.).
15. *Methodieva K.A.* Digital data as an object of civil law regulation in Germany, the USA and Russia: dis. ... PhD in Law. M., 2019 (in Russ.).
16. *Neznamov A., Pobryzgaeva E., Karlyuk M.* Theoretical principles of responsibility of autonomous agents // *Information space: ensuring information security and law: collection of scientific works* / ed. by T.A. Polyakova, V.B. Naumov, A.V. Minbaleev. M., 2018. P. 256–263 (in Russ.).
17. *Olinder N.V.* On the issue of evidence containing digital information // *Legai herald of the Samara University*. 2017. Vol. 3. No. 3. P. 107–110 (in Russ.).
18. *Onosov Yu.V.* Law enforcement "Contra legem" a means of ensuring justice or a threat to legality? // *Legal Science and practice. Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2011. No. 1 (14). P. 376–381 (in Russ.).
19. *Pastukhov P.S.* On the development of criminal procedural evidence using electronic evidence: collection of scientific articles of the Seventh Perm Congress of Legal Scientists / ed. V.G. Golubtsov, O.A. Kuznetsova. M., 2017. P. 561 (in Russ.).
20. *Petrov D.E.* Branch of law: dis. ... PhD in Law. Saratov, 2001. P. 8 (in Russ.).
21. *Chernyshov V.N., Loskutova E.S.* Problems of collecting and using digital evidence // *Socio-economic phenomena and processes*. 2017. Vol. 12. No. 5. P. 200 (in Russ.).
22. *Shapovalov A.A.* Branch of modern Russian law: questions of theory: abstract ... PhD in Law. Belgorod, 2011. P. 8, 9 (in Russ.).
23. *Shershenevich G.F.* Textbook of Commercial Law / introductory article E.A. Sukhanov. M., 1994 (in Russ.).

Сведения об авторах

ГЛОБЕНКО Оксана Александровна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «КБ-12 — Правовое обеспечение национальной безопасности», МИРЭА — Российский технологический университет; 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 78

ШЕЯФЕТДИНОВА Наталья Александровна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Московского педагогического государственного университета; 119435 г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 1/1; доцент кафедры «КБ-12 — Правовое обеспечение национальной безопасности», МИРЭА — Российский технологический университет; 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 78

СОЛОВЬЕВ Андрей Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского педагогического государственного университета; 119435 г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 1/1

Authors' information

GLOBENKO Oksana A. — PhD in Law, Associate Professor of the Department of "KB-12 — Legal provision of national security", MIREA — Russian Technological University; 78 Vernadsky ave., 119454 Moscow, Russia

SHEYAFETDINOVA Natalia A. — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory of History of State and Law, Moscow State Pedagogical University; 1/1 M. Pirogovskaya str., 119435 Moscow, Russia; Associate Professor of the Department of "KB-12 — Legal provision of national security", MIREA — Russian Technological University; 78 Vernadsky ave., 119454 Moscow, Russia

SOLOVYEV Andrey A. — Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of History of State and Law, Moscow State Pedagogical University; 1/1 M. Pirogovskaya str., 119435 Moscow, Russia